

DOI: 10.31857/S032103910008640-7

А.Б. РАНОВИЧ И СОВЕТСКАЯ НАУКА О ДРЕВНОСТИ 1930–1940-х годов: НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Абрам Борисович Ранович: документы и материалы. Сост., предисл. и примеч. А.И. Ключева, О.В. Метель; науч. ред. С.Б. Крих. Омск: Издательство Омского государственного университета, 2018. 263, [1] с.: портр., факс. ISBN 978-5-7779-2256-4

Предисловие к рецензируемому изданию открывается словами его составителей о дефиците источников личного происхождения, характеризующих советскую науку о древности и принадлежащих непосредственно ее представителям (с. 5–6; здесь и далее ссылки на рецензируемое издание мы даем непосредственно в тексте, указывая страницы и, при наличии, номера опубликованных материалов). Думается, что при справедливости этих слов в целом их следует определенным образом уточнить: понятно, что ценность таких источников неравнозначна. Хорошо известно, что недостатками мемуаров как источника являются субъективность их авторов и, в ряде случаев, желание сгладить негатив, связанный с делами, участниками которых они были, в сочетании с обычной человеческой забывчивостью¹. В силу этого особенно важный материал предоставляют документы личных архивов ученых. Понятно, что субъективный фактор не может не сказываться и в них: так, в личной переписке, которая составляет большую часть материалов, представленных в рецензируемом издании, каждое письмо будет отражать прежде всего личную позицию его автора, в том числе, как мы увидим, по вопросам, вызывавшим разногласия. Однако эта позиция по крайней мере вписана в совершенно определенный событийный контекст, и, в отличие от мемуаров, на ее отражении не сказывается ни забывчивость автора письма, ни его последовавшая спустя годы рефлексия, порожденная знанием того,

Статья подготовлена в рамках проекта РНФ 18-18-00367 «Всеобщая история в системе советской науки, культуры и образования в 1917–1947 гг.».

¹См. о мемуарах как специфической категории источников: Vul'fson 2001; Khlevnyuk 2015, 17–18. Воспоминания отечественных историков древности не свободны от подобных искажений: так, в «Книгу воспоминаний» И.М. Дьяконова проникли не только случайные ошибки, вроде отнесения визита Молотова в Берлин к августу 1939 г., а не к ноябрю 1940-го (Diakonoff 1995, 461), но и чистой воды легенда о том, что «рабовладельческую формацию» как определение характера обществ древности «Сталин позаимствовал... у Струве» (Diakonoff 1995, 278, прим. 1; невольно думается, что в утверждении такой легенды мог быть заинтересован прежде всего сам В.В. Струве, однако, насколько мы знаем, она и сегодня имеет определенный авторитет у петербургских востоковедов). И.Л. Маяк, рассказывая о «борьбе с космополитизмом» на кафедре древней истории исторического факультета МГУ, свела ее к постановочной и безвредной проработке уже очень престарелого Р.Ю. Виппера (выступление на конференции «Научное наследие А.Б. Рановича: к 130-летию со дня рождения ученого», декабрь 2015 г., Университет Дмитрия Пожарского, г. Москва; см. видеозапись, URL: <https://www.youtube.com/watch?v=nStf-r4u67w>; дата обращения: 04.03.2019), не упомянув ведущую на факультете крайне агрессивную кампанию против «группы Минца–Разгона». Между тем члены кафедры древней истории не могли к ней не присоединиться, и это, конечно, воздействовало на ситуацию и настроение на кафедре (Nekrich 1979, 48–58, особенно 57; Tikhonov 2016, 199–214; Bugaeva, Ladynin 2016, 226; собственно, и нападки на Виппера еще в 1948 г. были не столь безобидны и вряд ли прошли мимо внимания старого академика: Tikhonov 2016, 172–175; см. также далее).

каким было дальнейшее развитие событий. По этой причине особенное значение для исследования истории науки имеет введение в научный оборот именно документальных личных материалов ученых; и тут мнение А.И. Ключева и О.В. Метель о дефиците их публикаций в особенности справедливо. Если число изданных мемуаров советских историков древности можно даже увеличить по сравнению с указанным составителями (с. 6, прим. 1)², то из сводных публикаций личных документов можно назвать, пожалуй, только издание, посвященное Б.Б. Piotrovskomu (да и его появление объяснимо все же не столько естественным историографическим интересом, сколько поддержанием традиции петербургского Эрмитажа и сыновней верностью памяти ученого)³. Поэтому появление сборника документальных личных материалов А.Б. Рановича (1885–1948), видного советского историка древности, занимавшегося в характерном для 1920–1930-х годов «антирелигиозном» ключе историей иудаизма и христианства, а затем и историей эллинизма, — это, безусловно, важное событие в ставших сегодня актуальными штудиях «советской древности».

Прежде чем перейти собственно к обсуждению содержания и значения документов, опубликованных в сборнике, следует с большим уважением сказать о проделанной его составителями работе не только публикаторов, но и архивистов. Весь массив документов А.Б. Рановича хранится не в самом «очевидном» месте — в Научном архиве Института российской истории РАН (ф. 41), не имеющего отношения к изучению древности. Как говорят составители, там хранятся материалы Рановича, «переданные в архив (тогда единого Института истории АН СССР. — *И.Л.*) еще в 1952 г. его вдовой, Татьяной Исааковной, и до настоящего времени оставшиеся необработанными и, как следствие, практически неизвестными специалистам» (с. 19). Соответственно, их атрибуция и классификация и была проведена составителями сборника, приложившими усилия к тому, чтобы ввести их в историографический контекст и связать с отдельными материалами Архива РАН (см. ниже). Личная переписка Рановича (всего 91 письмо — мы учитываем как письма его корреспондентов, так и сохранившиеся его ответы, не всегда получающие в сборнике отдельную нумерацию) составляет основную и, безусловно, самую интересную часть этих материалов. Самые большие блоки писем относятся к переписке Рановича с Н.М. Никольским (36 писем) и Н.А. Шолпо (10 писем); еще 12 корреспондентов представлено блоками из 2–4 писем; и, наконец, 13 корреспондентов — единичными письмами к Рановичу. Сохранившиеся письма, безусловно, представляют собой естественную выборку из корреспонденции Рановича, которая скорее всего не случайна: помимо превратностей судьбы (в частности, эвакуации в военные годы — с. 15, а также письма З.А. Аминевой — с. 25–27), на ее сложение должно было повлиять и стремление самого Рановича сохранить самые важные для него письма — составлявшие его переписку с Н.М. Никольским и связанные с редактированием «Всемирной истории» (см. об этом далее). Помимо переписки, в сборник вошла краткая автобиография А.Б. Рабиновича (Рановича), написанная им в 1935 г. (из АРАН — с. 23–24), его сочинение об Аполлонии Тианском времени окончания киевского Университета св. Владимира (1913; с. 200–250, см. также с. 8, 20–21), поздравительное письмо к 50-летию научной и педагогической работы С.А. Жебелева (1940; с. 251–254), отзыв о работе Рановича, написанный А.В. Мишулиным (из АРАН; с. 254–255), и программа спецкурса «История раннехристианской церкви», читавшегося Рановичем в МГУ (с. 255–257). Завершает сборник безусловно необходимый в нем именной указатель (с. 258–262). Нельзя сказать, чтобы к научному аппарату сборника не было некоторых пожеланий (см. в конце нашей рецензии); однако его высокая ценность не вызывает сомнений. Закономерно, что эта публикация стала делом ученых из Омского университета, ставших в 2010-е годы застрельщиками подробного изучения опыта советской науки о древности⁴, причем для одного из составителей сборника деятельность Рановича представляет особый интерес в контексте исследований советской историографии раннего христианства⁵.

Сочинение А.Б. Рановича об Аполлонии Тианском дает редкий пример ранней, вписанной в дореволюционный историографический контекст работы антиковеда, выдвинувшегося на первый план отечественной науки о древности уже в советское время; кроме того, не совсем

² Прежде всего Piotrovsky 1995; Diakonoff 1995.

³ Piotrovsky *et al.* 2008.

⁴ См. прежде всего Krikh 2013.

⁵ Metel' 2012.

ожидаемы ее выводы (Ранович считал Аполлония не «шарлатаном», а религиозным мыслителем, вполне серьезно относившимся к своей деятельности, хотя и не оставившим большого следа в истории религии, — с. 242–248). Все же эта работа Рановича представляет скорее антикварный интерес, а его автобиография и помещенные в конце сборника «дополнительные материалы» носят вспомогательный характер по отношению к *raison d'être* публикации — корпусу переписки. Думается, что разговор о ней нужно начать с самого большого блока писем, которыми Ранович обменивался с Никольским. Именно документы, относящиеся к этому блоку, задают как начальную, так и конечную крайние даты опубликованных в сборнике материалов: письмо Никольского в редакционный отдел Государственного антирелигиозного издательства о подготовленном Рановичем сборнике источников⁶ датировано 24 декабря 1933 г. (с. 75–78), а его же последнее письмо Рановичу написано 26 апреля 1948 г. (№ 34, с. 143–144) — чуть больше чем за месяц до смерти ученого, последовавшей 29 мая. Примечательны слова Никольского в этом последнем письме Рановичу в связи с его болезнью: «Берегите себя — ведь наш брат-библеист теперь редкость» (с. 143). Очевидно, здесь имеется в виду не просто формально общая тема их занятий (древний Израиль и раннее христианство), но и принципиальное единство подходов к ней, заданное принадлежностью к одной «формации» советских ученых: для старого большевика Никольского и бывшего бундовца Рановича обращение к данной теме предполагало критику религиозного мировоззрения и элемент антирелигиозной пропаганды⁷. В обстановке «сталинского ампира» 1940-х годов с его частичной мобилизацией на службу режиму и церкви⁸ «редкостью» должен был считаться не просто «наш брат-библеист», а скорее «наш брат-антирелигиозник» со старым стажем. Сам характер переписки между Никольским и Рановичем, в которой преобладание в 1930-е годы деловых вопросов сменяется в 1940-е гораздо более частым обращением к личным мотивам, показывает, что общение друг с другом было для них приятно — видимо, в том числе и благодаря сходству в их биографиях. Можно допустить, что Н.М. Никольский приписывал этому большее значение, чем его корреспондент: так, в письмах 1947–1948 гг. (№ 27–28, 31) он несколько раз, с резкостью и определенной болезненностью возвращался к своей негативной оценке книги Р.Ю. Виппера о христианской литературе⁹. Говоря о слабых шансах на публикацию своей рецензии на нее, Никольский явно рассчитывал на то, что его адресат поймет его неприятие Виппера — «царя и бога» науки 1900-х годов (с. 139), ставшего советским академиком, — хотя оценка этой же книги самим Рановичем была несравненно более лояльна (см. подробнее далее).

Переписка Рановича и Никольского говорит много об их несходстве в научном плане за пределами собственно изучения истории религии¹⁰. Наиболее серьезной проблемой для Н.М. Никольского в первой половине 1930-х годов было, безусловно, выдвижение В.В. Струве концепции рабовладельческой формации на древнем Востоке, перечеркнувшей определение его общества самим Никольским как феодального¹¹. Резкими выпадами против Струве изобилуют опубликованные в сборнике письма Никольского (№ 3, 16 мая 1936 г.: «Струве, который своими безграмотными (со всех точек зрения) “исследованиями” окончательно скомпрометировал термин “рабовладельческий”» — с. 95; № 12, 21 марта 1937 г.: «Очень хорошо, что устраиваете публичный разбор книги Струве. Коротко говоря, это халтура во всех отношениях» — с. 113; № 32, 10 марта 1948 г.: «Дискутировать со Струве — весьма и всегда готов!» — с. 142; и др.). Теоретические проблемы, связанные с определением характера древневосточного общества, затрагиваются в ранней (1936 года) переписке Никольского и Рановича, связанной с подготовкой к изданию книги последнего о древнееврейской религии¹², и здесь Ранович, хотя «нынешняя трактовка Струве древневосточных обществ» его «не удовлетворяет» (№ 2, б.д., очевидно, весна 1936 г.; с. 85), отказывается следовать за своим корреспондентом в полной

⁶ Ranovich 1933.

⁷ См. Metel' 2012, 26–29, 42–44, 51–57.

⁸ Metel' 2012, 69.

⁹ Vipper 1946.

¹⁰ О.В. Метель показала, что если Рановичу удалось сформировать «классическую модель» изучения раннего христианства в советской науке, то более ранний подход Никольского (предполагавший, в частности, признание историчности Христа) в нее во многом не вписывался (Metel' 2012, 30, 55–59).

¹¹ См. теперь Krikh 2018, 15–17.

¹² Ranovich 1937b.

мере. В обосновании позиции Никольского решающую роль играют ссылки на цитаты классиков марксизма и на текущую позицию партийных инстанций: так, когда Ранович отзывается о рекомендованной ему теоретической статье в БСЭ¹³ как о «путанной» (явно небезосновательно; с. 88), Никольский сообщает ему в ответ: «По имеющимся у меня частным сведениям из хорошего источника, статья была сдана в печать лишь после того, как она прошла очень ответственную редакцию, и потому должна считать[ся] руководящей» (№ 3, 16 мая 1936 г.; с. 90–91). Ранович, разумеется, и сам признавал значение марксистских постулатов; однако, применяя их, стремился руководствоваться как своими фактическими знаниями о странах древнего Востока, так и формальной логикой. В уже упомянутом чрезвычайно важном письме Никольскому (№ 2) он сомневается в функциональности употребляемых его корреспондентом половинчатых терминов («в термине “полупатриархальный-полуфеодальный” ударение на феодальном» — с. 86) и вытекающих из них определений («Имеем ли мы в др[евней] Иудее феодальные отношения? При всем желании их нельзя найти» — с. 87), а также в возможности определять характер восточного общества в целом, без учета специфики конкретных регионов («Нет Востока вообще, есть конкретные восточные общества в конкретной исторической обстановке. Одно дело современная Индия, другое дело Египет эпохи Древнего царства... Мне кажется, что не следует смешивать под общим названием “Восток” также Вавилонию и Палестину» — с. 86). Чрезвычайно строго Ранович подходит к самому критерию постулирования той или иной социально-экономической формации в марксистской теории («В каждой [социально]-[экономической] формации возможно сосуществование разных укладов, но один из них является ведущим, и по нему определяется формация» — с. 86)¹⁴; на этом основании он соглашается с определением древних обществ в целом как рабовладельческих. «Антиструвианский» запал Никольского выразился в чрезвычайном поощрении (и даже собственноручном дописывании) выпада на страницах книги Рановича против признания Струве историчности Исхода (№ 7, 31 июля 1936 г.; с. 102–103)¹⁵; однако этот момент для Рановича остался все же чисто эпизодическим (хотя и заслуживающим внимания). Вместе с тем значим проявившийся в переписке с Никольским логичный и последовательный подход Рановича к применению марксистских категорий в их соотнесении с фактическим материалом: именно этот подход в значительной мере утвердился в советской науке о древности на этапе «сталинского ампира» конца 1930–1940-х годов, а у Рановича сказался, в частности, в его малоизвестной критике концепции Струве (в отличие от выпадов, инспирированных Никольским, отнюдь не агрессивной)¹⁶.

¹³ Razumovskiy 1936.

¹⁴ См. в связи с постулированием уже в ходе дискуссий 1960-х годов существования «азиатского способа производства» Ladynin 2016, 23.

¹⁵ Речь идет о позиции Струве, высказанной еще в 1924 г. (Struve 1924), а в середине 1930-х годов отразившейся в написанной им главе «Израиль и Иуда» в посвященном древнему Востоку 1 томе «Истории древнего мира», издание которой было предпринято Государственной академией истории материальной культуры (Struve 1936, 345–346). Критика этой главы за «уступки поповщине» (весьма вероятно, что эти слова относятся именно к редакции Никольского) была высказана не только в книге Рановича (Ranovich 1937b, 145), но и в специальной рецензии в журнале «Антирелигиозник» (Ranovich 1937a; см., очевидно, ее упоминание в письме Никольского от 19 июля 1937 г. — с. 116). При этом в обширном вводном разделе к книге Рановича, написанном Никольским, критикуются не только теоретические взгляды Струве и его обращения к проблемам библеистики, но и «новое издание курса “История древнего Востока” реакционного проф[ессора] Тураева», содержащее ряд формулировок, сочтенных неприемлемыми (Ranovich 1937b, V; см. Turaev 1935, 66, 74). Подтекст этого выпада очевиден: именно ученик Тураева Струве был инициатором переиздания труда «реакционного профессора». Думается, что Никольский с его большевистским прошлым вообще должен был относиться отрицательно и к возвышению в советской науке Струве, в начале своей карьеры вполне вписавшегося в дореволюционный истеблишмент, и к переизданию труда его учителя, убеждения которого были совершенно противоположны революции. Однако нельзя не отметить, что время для обсуждаемых выпадов (к тому же фактически озвученных Рановичем, незаинтересованным лично в ниспровержении Струве в той мере, что Никольский) было выбрано чрезвычайно «грамотно» — после расправы над руководителями ГАИМК (Formozov 2006, 178, 181), когда поставить Струве в один ряд с ними могли обвинения в «уступках поповщине» и реабилитации «реакционного профессора».

¹⁶ Nemtchenko 1940, 371–373; Ranovich 1946.

Любопытно, что письмо Никольского от 21 марта 1937 г. (№ 12) — последнее, в котором он пытается разъяснить Рановичу свои позиции по теоретическим вопросам и исправлять ошибочные, как он считает, тезисы своего корреспондента (с. 111–112): похоже, к этому времени он убедился в мягком, но решительном нежелании Рановича принимать такие коррективы, что, однако, явно не омрачило их дальнейшие контакты.

Еще один чрезвычайно большой блок опубликованных писем — правда, принадлежащих разным корреспондентам Рановича, — связан с его курированием посвященных древности томов «Всемирной истории», издание которой было запланировано в еще середине 1930-х годов¹⁷. Разные вопросы его подготовки так или иначе затрагиваются в общей сложности в 17 письмах (А.И. Болтуновой — одно письмо, Б.Д. Грекова, Д.П. Каллистова — по одному письму, М.А. Коростовцева — 4 письма, И.Л. Снегирева — 2 письма, Н.А. Шолпо — 10 писем). По ним хорошо видны особенности организационно-технической работы над этим изданием: в частности, мы узнаем, что ближайшими сотрудниками в этом деле Струве, ответственного за II том издания по древнему Востоку, были Коростовцев и Шолпо. Впечатляет высокая степень готовности данного тома к лету 1941 г.: так, в многочисленных письмах Шолпо подробно обсуждаются конкретные технические вопросы, которые имело смысл обсуждать только незадолго до сдачи книги в печать (в № 1 от 10 декабря 1940 г. об иллюстрациях к изданию по четко выверенному нумерованному списку — с. 168–169, о хронологических таблицах — с. 169, 171, о транскрипции древневосточных имен — с. 169–170¹⁸; в № 3 от 5 марта 1941 г., № 6 и 7 от 9 и 21 апреля 1941 г. о библиографическом списке — с. 177–178, в № 10 от 17 июня 1941 г. — о картах)¹⁹. Некоторые разделы тома оставались не дописаны (прежде всего обсуждается необходимость обобщений к разделу об амарнской реформе, написанному Ю.Я. Перепелкиным; см. подробнее далее), однако «ударные сроки», обозначаемые для восполнения этих «недостач» (так, в № 5 от 2 апреля 1941 г. Шолпо от имени своей жены Р.И. Рубинштейн дает обязательство о подготовке ею главы о Египте и Ближнем Востоке XV–XIV вв. до н.э. к 1 мая — с. 176; ср. № 6, с. 177²⁰), указывают опять же на близкое завершение работ над томом. В свете этих материалов можно, во-первых, усомниться в справедливости суждения, что «судя по ходу работ, вряд ли том оказался бы в печати ранее 1942 г.»²¹, во-вторых, не слишком удивляться оптимизму Б.Д. Грекова, писавшего Рановичу 14 февраля 1942 г. из эвакуации в Ташкенте, где находился и В.В. Струве, о плане «здесь напечатать первые два тома “Всемирной истории”, посвященные Востоку» (с. 39; очевидная оговорка, так как I том должен был быть посвящен истории первобытного общества²²). Разумеется, планы этого издания властно оборвала война (бросается в глаза, что всего пятью днями от ее начала отделено последнее письмо Рановичу не вернувшегося с нее Н.А. Шолпо!), однако работы над ним продолжались и во время нее (письмо Рановичу Д.П. Каллистова от 31 августа 1944 г. представляет собой очень краткий отзыв на главы для 4 тома «Всемирной истории» о походах Александра Великого и о Пергаме — с. 47)²³. По сути дела, последнее из писем Рановичу, в котором обсуждаются главы «Всемирной истории» (для «эллинистического» IV тома), было написано А.И. Болтуновой 8 сентября 1945 г. (№ 1, с. 29–30). Позднее вопросы «Всемирной истории» не затрагиваются не только в письмах Болтуновой 1946 г. (№ 2–4), но и вообще в переписке Рановича; а в написанной им для № 2 «Вестника древней истории» за 1946 г. передовой статье о задачах историков древности на предстоящую пятилетку «Всемирная история» не упоминается²⁴. Работа над этим проектом явно

¹⁷ См. теперь Karpyuk, Krikh 2018.

¹⁸ Похоже, что «побочным продуктом» обсуждения этого вопроса стала еще в 1940 г. специальная статья Шолпо (Sholpo 1940), сопровождаемая даже перечнем корректных, по мнению ее автора, способов русскоязычной передачи древневосточных имен собственных (см. с. 169–170).

¹⁹ Как нам кажется, рукописи глав II тома, хранящиеся в АРАН (всего 18 глав: Ф. 1577. Оп. 6. Д. 420–437), — это не весь подготовленный к 1941 г. текст (см. Karpyuk, Krikh 2018, 1015).

²⁰ Рукопись этой главы имеется в АРАН: Ф. 1577. Оп. 6. Д. 428.

²¹ Karpyuk, Krikh 2018, 1029.

²² Karpyuk, Krikh 2018, 1017.

²³ По словам Н.А. Машкина, когда в середине войны, в 1943 г., он настаивал на скорейшем издании учебника по истории древнего Рима, эти настояния отклонялись в том числе под тем предлогом, что «выйдет скоро “Всемирная история”» (Ladynin, Bugaeva 2016, 269).

²⁴ Editorial 1946; авторство этой передовой статьи мы устанавливаем по Ranovich 1948, 143.

перешла в режим плохо управляемого «долгостроя», о котором лучше было не вспоминать в контексте сколько-нибудь серьезных обязательств²⁵.

Вместе с тем материалы переписки Рановича важны для оценки довоенной ситуации в той дисциплине науки о древности, представители которой играли особенную роль в подготовке пресловутого II тома «Всемирной истории», — в египтологии. Примечательно, кстати, что в корпусе переписки совсем нет писем Рановичу от Струве: весьма вероятно, что глава науки о древнем Востоке, не забывший нападок Никольского и Рановича в 1936–1937 гг., а затем весьма экономно относившийся к своим усилиям по подготовке II тома, предпочитал контактировать с его московским куратором через своих помощников. Для сегодняшних египтологов ценность обсуждаемого сборника будет определяться тем, что он позволяет услышать голоса их коллег, не переживших Великую Отечественную войну, — Н.А. Шолпо (1903–1941), ушедшего в народное ополчение и погибшего на Ленинградском фронте²⁶, и И.Л. Снегирева (1907–1946), попавшего в 1942 г. в плен на Волховском фронте, перешедшего на сторону врага, служившего в немецкой разведке и после войны умершего в лагерях²⁷. Именно при их активном участии развиваются две ситуации, связанные с написанием глав «Всемирной истории» по древнему Египту, которые можно назвать конфликтными.

Одна из них была таковой в точном смысле слова: при редактировании II тома Шолпо исключил написанные Снегиревым главы «Естественно-географические условия в странах древнего Востока», «Первобытнообщинный строй на древнем Востоке» и «Рождение государства в долине реки Нил» (материал последней дублировался в главе о Древнем царстве; письмо № 3 М.А. Коростовцева от 5 мая 1941 г. — с. 58; письма № 1–2 И.Л. Снегирева от 2 марта и 7 июня 1941 г. — с. 153–154; № 8 и 10 Н.А. Шолпо от 12 мая и, видимо, от начала²⁸ 1941 г. — с. 178, 180–181); соответственно их автор резонно счел себя пострадавшим, отказался написать дополнительно раздел о языках древнего Востока и потребовал не указывать его в числе авторов II тома (письмо № 2 И.Л. Снегирева — с. 154). Вторая ситуация, в центре которой находился Ю.Я. Перепелкин — автор главы о реформе Эхнатона, — на наш взгляд, несравненно менее однозначна. Судя по письму № 10 Шолпо, уже к концу 1940 — началу 1941 г. стало ясно, что в написанной Перепелкиным главе о реформе Эхнатона нет оценки положения Египта в системе международных отношений на Ближнем Востоке в конце XV — первой половине XIV вв. до н.э.²⁹, а также общей оценки реформ Эхнатона. По словам Шолпо, «Перепелкин готов сделать необходимое дополнение к своей главе», но «для этого требуется время», причем отсутствие обобщений в его тексте объясняется тем, что «с самого начала ему было предложено не касаться вопросов идеологии, поэтому естественно в его главе нельзя было дать освещения эпохи и реформ» (с. 180).

²⁵ Казалось бы, такому выводу должна противоречить наша оценка высокой степени готовности II тома «Всемирной истории» к лету 1941 г. Однако если и работа над ним вызывала ряд проблем и разногласий, то они должны были быть еще серьезнее в гораздо более многочисленном и разнородном авторском коллективе III–IV томов, посвященных античности. В 1949 г. Машкин говорил о трудностях редактирования III тома, связанных как с низким качеством статей, так и с необходимостью снять материалы С.Я. Лурье (Bugaeva, Ladynin 2016, 269, 275). При этом Машкин говорит о последнем моменте так, что неясно, определяется ли он только разгромной критикой Лурье в 1948–1949 гг. или же восходит к еще давним претензиям к нему в связи с работой над «Всемирной историей», исходившим, в частности, от А.И. Тюменева (Karguyuk, Krikh 2018, 1029–1030, 1032). Весьма критично о качестве и степени готовности собственного материала для «Всемирной истории» по эллинистическим царствам пишет Рановичу Болтунова (№ 1, с. 30).

²⁶ Glushenkova 1995, 331.

²⁷ Snegiryev 2004.

²⁸ Письмо № 10 Н.А. Шолпо не датировано, но время его написания устанавливается по фразе: «Боюсь, что до конца января (несомненно, 1941 г. — И.Л.) осталось слишком мало времени, чтоб довести дело до конца» (с. 180).

²⁹ Так называемая «амарнская система международных отношений» — по отражающему ее развитие дипломатическому архиву из Амарны, содержащему аккадоязычную переписку Аменхотепа III и Эхнатона с государями Митанни и касситской Вавилонии. Сомнений в необходимости ее оценки в любом обобщающем издании, включающем в себя раздел по времени Эхнатона, нет; однако внешнеполитические сюжеты действительно интересовали Перепелкина значительно меньше, чем общество и культура самого Египта (см., например, разделы о Новом царстве в полном издании его общей работы по Египту: Perepyelkin 2000, 241–368).

Последнее уточнение выглядит весьма странно: характеризовать реформу Эхнатона, не затрагивая «вопросов идеологии», невозможно, так что остается лишь предполагать, что изначально Перепелкину предложили (скорее всего Струве) воздержаться от объяснений описываемых им явлений в духе его собственного научного метода, поскольку они выглядели бы слишком «не по-советски». Неудивительно, что в таком случае в его главе огромное место заняли «филологические выкладки об изменениях титулатуры Эхнатона»³⁰, которые Перепелкин желал бы изъять, если бы для скорости дополнения к главе о реформе Эхнатона были бы поручены другим авторам. Подобное решение представлялось Перепелкину приемлемым: «По его словам, он нисколько не претендует на авторство³¹, но хотел бы в этом случае изъять из главы некоторые части, которыми он особенно дорожит» (с. 180). На данном этапе как Струве, так и Шолпо склонялись к варианту, при котором «этот вопрос можно было бы частично разрешить, не затрагивая авторских прав и чувств Перепелкина» и «внести для этого дополнения не в его главу, а, напр[имер], в главу о касситах, о хеттах, о Митании, о Сирии» (там же). Правда, такой вариант не позволял «разрешить вопрос об оценке реформ Эхнатона» (там же), который остался камнем преткновения. В марте 1941 г. Струве считал нужным или просить сделать соответствующее дополнение самого Перепелкина, или оставить его главу без изменений, попросив при этом написать об амарнской системе международных отношений супругу Шолпо Рубинштейн (письмо № 4 Н.А. Шолпо от 21 марта 1941 г. — с. 175–176), на что она и согласилась (см. выше). Однако Ранович явно счел первую часть этого решения недостаточной и в письме Коростовцеву сообщил о решении «механически присоединить к главе Ю.Я. Перепелкина параграф, где будут изложены “смысл, цели, причины и следствия реформы Эхнатона”» (письмо № 2 М.А. Коростовцева от 26 апреля 1941 г. — с. 56). Тогда к обсуждению данной проблемы подключился М.А. Коростовцев: по его словам в письме Рановичу, «автор главы, Ю.Я. Перепелкин, считает, что в данное время никаких выводов обобщающего характера о реформе Эхнатона сделать нельзя, что это с научной точки зрения преждевременно и необоснованно», и с таким мнением солидаризуются и Струве, и сам автор письма. Подчеркнув тем самым, что вариант с дополнением главы Перепелкина навязан ленинградским египтологам московской редакцией, Коростовцев сообщил, что в таком случае Перепелкин, не желая нести ответственность за это дополнение, «снимает с себя авторство этой главы» и вообще «со всего, что им написано для II тома», а также изымает из текста «данные эпиграфического характера», составляющие его научный приоритет (там же, с. 56–57). К такому варианту Коростовцев отнесся вполне одобрительно, а когда, очевидно, он вызвал вопросы у Рановича, предложил обратиться с ними непосредственно к Перепелкину (письмо № 3 М.А. Коростовцева от 5 мая 1941 г. — с. 58). Неясно, предложил ли сам Ранович в своем письме просить написать требуемое дополнение о реформе Эхнатона Ю.П. Францова или этот вариант наметили ленинградцы; но Коростовцев провел с ним необходимые переговоры (видимо, уже в середине апреля 1941 г.), и тот ответил согласием (письмо № 2, с. 56; см. также постскрипtum в письме № 7 Н.А. Шолпо от 21 апреля 1941 г.).

Подробная «аннотация» хода событий (впрочем, все равно не передающая всех нюансов) необходима не только потому, что не все читатели этой рецензии познакомятся с обсуждаемой публикацией, но и для оценки мотивов вовлеченных в них лиц и самой ситуации в целом. Прежде всего заметим, что она повторилась с удивительной полнотой при написании Перепелкиным глав по древнему Египту для I тома «Всемирной истории», вышедшего в 1955 г.: эти главы были

³⁰ Данные «выкладки» составили в итоге вторую книгу первой части знаменитого исследования Перепелкина (Perelyelkin 1967, 143–292).

³¹ Подобное «смирение паче гордости» с серьезной толикой презрения к тем, против чьих действий оно составляло протест, вообще было характерной чертой Перепелкина: «Началась осложнявшая жизнь череда переводов из одного учреждения в другое... Во время одного из этих переводов его бумаги где-то затерялись, и он несколько месяцев продолжал ходить на работу без зарплат, не обращаясь по этому поводу в бухгалтерию... Стоит добавить, что когда недоразумение каким-то образом разрешилось и Юрия Яковлевича спросили, почему он молчал, он ответил, что думал, что никакой ошибки не было, — изыщное издательство, которое не могло не доставить ему некоторое удовольствие» (Bolshakov 2015, 9, 15).

дополнены в ходе редактирования³², вследствие чего Перепелкин заявил об отказе от авторства³³. Вместе с тем египтологам хорошо известна позитивистская интенция трудов Ю.Я. Перепелкина, ставшая краеугольным камнем научного метода ленинградской (петербургской) школы египтологии³⁴, но в ряде случаев ведущая к мысли о не просто «преждевременности», но и недостижимости обобщений: понятно, насколько это противоположно задачам любого обобщающего издания. По словам самого Перепелкина в передаче А.Л. Вассоевича, позднее, на этапе подготовки уже послевоенной «Всемирной истории», Струве понимал его задачи в плане подробного подкрепления египетскими источниками концепции рабовладения на древнем Востоке («Я думал, что вы возьмете то, что я доказал для Шумера, и покажете это на египетском материале»³⁵), т.е. именно выведения обобщений социологического характера. Письма, отражающие ситуацию начала 1941 г., показывают, что из всех вовлеченных в нее лиц, по сути дела, лишь Коростовцев переводит ее на уровень конфликта, требующего принципиального разрешения: голоса Струве мы напрямую не слышим, но корреспонденты Рановича не передают от него сколько-нибудь решительных настояний, и думается, что вину за ситуацию он должен был возлагать во многом на Перепелкина³⁶; сам последний, как видно, не боролся за авторство и неприкосновенность своего текста; а Шолпо вообще признавал, что глава Перепелкина «для целей “Всемирной истории” не вполне пригодна» (письмо № 2 от 22 февраля 1941 г. — с. 171) и не одобрял положение, при котором «в интересах одного автора приходится поступиться интересами всего тома» (письмо № 5 от 2 апреля 1941 г.; возможно, имеется в виду привлечение новых авторов для доработки материалов по Амарне, затягивающее дело). Примечательно, что при подготовке академической «Истории древнего Востока» в 1960–1970-х годах уже сам Коростовцев, как ее главный редактор, оказался перед необходимостью «выбивать» из Перепелкина определения характера древнеегипетского общества (разумеется, вновь безуспешно)³⁷. Думается, что позицию Коростовцева весной 1941 г. логичнее всего объяснить следующим: не видя необходимости достигать идеальной согласованности в структуре II тома «Всемирной истории» (возможно, не принимая вполне всерьез сам этот проект), он стремился использовать его подготовку для публикации уникальных наработок Перепелкина, которые иначе, принимая во внимание приоритеты того времени, вряд ли увидели бы свет³⁸. Очевидно, Коростовцев полагал, что, ставя перед Рановичем вопрос о главе Перепелкина подчеркнуто остро, с настоянием на том, что научная корректность побуждала бы опубликовать ее в неискаженном авторском варианте, он все же может добиться такого решения проблемы, — при том, что ленинградские коллеги Коростовцева восприняли ее гораздо более равнодушно. Так или иначе, данная ситуация кажется нам хотя и непростой, но все же рабочей и, как видим, не уникальной в истории отечественной египтологии: мы не готовы отнести к ней как к «схватке»³⁹, в которой по разные стороны оказались Ранович и сразу целая группа ленинградских египтологов.

³² «В главах по истории Египта, написанных Ю.Я. Перепелкиным, редколлегия сочла нужным внести дополнение в части общих выводов и некоторых частных характеристик» (Vsemirnaya istoria 1955, 14).

³³ Vassoevich 2000, 37. Этот отказ носил чисто моральный характер, поскольку в издании авторство Ю.Я. Перепелкина осталось обозначено.

³⁴ См. особенно яркую ее характеристику в Bolshakov 2015, 12.

³⁵ Vassoevich 2000, 37.

³⁶ Характерным образом Вассоевич говорит о ситуации, связанной уже с послевоенной «Всемирной историей» («Начались драматические объяснения между членами редколлегии и строптивым автором, стремящимся к исторической истине»: Vassoevich 2000, 37), в контексте рассказа о полном непонимании между Перепелкиным и Струве. Указание же Коростовцева в письме Рановичу, что не только он сам, но и Струве поддерживают позицию Перепелкина по вопросу о дополнениях его главы, скорее всего отталкивается от мнения Струве, выраженного с гораздо меньшей настоятельностью.

³⁷ Vassoevich 2000, 48–49.

³⁸ В 1944 г., находясь в Египте в качестве корреспондента ТАСС и агента спецслужб, Коростовцев вновь ставит вопрос об этом, предлагая в докладной записке в АН СССР беспрецедентную по тем временам публикацию исследования Перепелкина об амарнском времени за рубежом, на базе Французского института восточной археологии: ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 19. Д. 74. Л. 127–128; Ladynin, Timofeeva 2014, 374, прим. 33.

³⁹ Karpyuk, Krikh 2018, 1027. Материал переписки Рановича был учтен авторами данной статьи по рукописи рецензируемого нами сборника.

Еще один важный аспект этой ситуации связан с обменом письмами между Коростовцевым и Рановичем в апреле 1941 г. Эти письма (точнее, два письма Коростовцева — № 3—4 от 5 и 15 мая 1941 г., — дающие отчетливое представление о некоем полученном им до того письме Рановича) уже привлекли внимание исследователей и были оценены как «в некотором роде занимательная переписка, в которой оба обвинили друг друга в отходе от марксизма»⁴⁰. На самом деле, нельзя сказать, что эта переписка велась в тональности взаимных обвинений. Ранович явно возражал Коростовцеву в связи с изложением им позиции Перепелкина о невозможности на текущем уровне развития науки обобщений по реформе Эхнатона: «путь», приводящий исследователя к такой позиции, он назвал «опасным». Задав риторический вопрос, «возможен ли вообще в историческом исследовании такой момент, когда в распоряжении историка имеется весь материал?» (письмо Коростовцева № 3, с. 59), Ранович предостерег адресата от затягивания «позитивистским болотом» и от агностицизма, а также, очевидно, сказал, что уважение к советскому читателю побуждает представлять ему целостное объяснение исторических явлений (там же, с. 61). Письмо Рановича явно было уснащено цитатами классиков марксизма, но дело вряд ли сводилось только к этому: в предисловии составители сборника справедливо отметили стремление ученого выстраивать свои труды «как нарративы, претендующие на целостную реконструкцию изучаемого явления» (с. 18). Исследование Перепелкина явным образом отступало от этого идеального для Рановича принципа. Еще более примечательны ответы Коростовцева, отмеченные эмоциональностью и пафосом («Остановитесь! Одумайтесь! Ибо идя дальше, *Вы уйдете и от марксизма и от всякой науки*» — там же, с. 59). Научные коннотации этих писем заслуживают, на наш взгляд, специального анализа, но сейчас мы лишь отметим, что, во-первых, несмотря на обилие и в них цитат классиков, Коростовцев отстаивает, по сути дела, ту позицию, которая, как мы сказали, свойственна ленинградской (петербургской) египтологии, а на рубеже 1930—1940-х годов была представлена только трудами совершенного «немарксиста» Перепелкина. Во-вторых, любопытна отсылка к «фактопоклонничеству» Жебелева как к образцу исследования, признаваемому и Коростовцевым, и Рановичем (письмо № 4: «В обобщении фактов необходима осторожность, неторопливость, точность. Мне помнится, что Вы восхваляли эти качества Жебелева на юбилее»⁴¹, и Вы были совершенно правы. Но разве это только в юбилейных речах хорошо?» — с. 66). Что касается цитат из «классиков», то Ранович приводил их, несомненно, искренне и всерьез, а в таком же отношении к ним Коростовцева можно и усомниться; однако, независимо от этого, «метанарратив» этой полемики формируют не только эти цитаты, но и достаточно широкий спектр исследовательских позиций, присутствовавших в советской науке о древности в начале 1940-х годов.

Как известно, фоном развития советской гуманитарной науки после Великой Отечественной войны была серия идеологических кампаний, начавшихся в 1946 г. и набравших полную силу в 1947—1949 гг.: в поздней переписке Рановича было бы естественно искать отсылки к ним. Помимо правоверных слов К.М. Колобовой в письме от 3 сентября 1946 г. (№ 2): «Постановление ЦК ВКП(б) (несомненно, как и считают составители сборника, «О журналах “Звезда” и “Ленинград”» от 14 августа 1946 г. — *И.Л.*) касается и нас не в меньшей степени, чем работников литературного фронта» (с. 51), — такую отсылку содержит письма к Рановичу ленинградского филолога-классика И.И. Толстого. В первом из них (от 23 декабря 1947 г.) автор рекомендует к напечатанию в «Вестнике древней истории» две статьи Лурье («Одна из них, интереснейшая заметка о культе богини Ма на Боспоре...»⁴² другая, совсем коротенькая заметка, занимается надписью Диофанта и вопросом об отражении в ней сложных, современных ей,

⁴⁰ Карпуук, Krikh 2018, 1027.

⁴¹ Неясно, имеется ли в виду обнаруженное в документах Рановича и публикуемое в сборнике поздравительное письмо по случаю 50-летия научной и педагогической деятельности Жебелева (с. 261—254), в котором фактологичность его исследований упоминается в общем достаточно сдержанно («Ваши статьи и исследования учат, как надо вдумчиво, серьезно, во всеоружии знания изучать источники, которые под Вашей рукой оживают, начинают говорить; известные факты выступают в новом, ярком свете, становятся полнокровными и ценными... Вы прививаете свое умение всесторонне и исчерпывающим образом изучать исторические факты, научную добросовестность и строгость к себе самому» — с. 253—254).

⁴² Luria 1948.

скифских отношений к Боспору»⁴³ — с. 161) и интересуется характером планирующейся, по его сведениям, рецензии на книгу Лурье⁴⁴ («Уже и так в избытке пришлось за последнее время бедному моему другу испытать всяческой горечи: неужели теперь опять, да еще на страницах ВДИ, вновь готовится на него суровое нападение критика?» — с. 162⁴⁵). Во втором письме (от 18 января 1948 г.) Толстой благодарит Рановича за согласие опубликовать обе статьи и радуется, что, судя по тональности полученного им письма, «угрозы новых суровых нападков на книгу Соломона Яковлевича, по-видимому, сейчас нет» (с. 163). Как мы видим, А.Б. Ранович наполовину исполнил (собственно, успел исполнить до своей смерти в конце мая 1948 г.) данное им обещание, а, учитывая крамольное содержание второй из предложенных ему статей Лурье (см. наше прим. 43), даже неформальное обязательство ее опубликовать выглядит смелым поступком. Данные письма демонстрируют негативное отношение Рановича (вполне ожидаемое, по понятным причинам) к идеологическим кампаниям второй половины 1940-х годов с их анти-семитским духом, а также готовность до некоторой степени им противостоять.

Еще один документ, в котором, как кажется, чувствуется «отдышка» идеологических кампаний второй половины 1940-х гг., — это чрезвычайно уважительное и явно исходящее из такого же отношения адресата письмо Рановичу от Р.Ю. Виппера от 10 февраля 1948 г. (с. 38–39). Составители сборника, несомненно, правы, предполагая, что заявленный в начале письма повод к его написанию («Приношу Вам мою самую сердечную благодарность за Ваше глубоко-проникающее суждение о моей предшествующей книге») — это рецензия Рановича на книгу Виппера (см. наше прим. 9), опубликованная в № 3 «Вестника древней истории» за 1947 г. Данная рецензия интересна не только своей подробностью и аналитичностью, но и тем, что в ней некоторые тезисы Виппера, которые уже в обстановке 1947 г. могли дать повод для серьезных претензий (иная, чем у Энгельса, интерпретация Апокалипсиса и описание «века Антонинов», создающее впечатление, что «это какая-то идиллия, когда классовые противоречия и классовая борьба исчезли, императоры занимались благотворительностью и просвещением, волк жил в мире с ягнчком»⁴⁶), критикуются в совершенно не провокационном ключе, и эта критика не меняет общей весьма позитивной оценки книги⁴⁷. Некоторая неуверенность составителей, благодарит ли Виппер Рановича именно за эту рецензию (с. 38, прим. 1), понятна: в качестве такой благодарности это письмо явно запаздывало, так как содержащий рецензию номер журнала увидел свет по крайней мере в октябре 1947 г. (вне сомнения, до 7 ноября этого года — см. наше прим. 46). Однако по любопытному совпадению именно в день его написания о появлении претензий к вышедшей в 1947 г. «Истории средних веков» Виппера узнал М.Н. Тихомиров⁴⁸: в качестве декана исторического факультета МГУ он имел отношение к изданию этой книги, позднее разделил с Виппером критику, связанную с ее появлением, и в принципе мог немедленно поставить пожилого академика в известность о грозящей ему «проработке». В таком случае письмо Виппера могло быть его на редкость оперативной реакцией на эту информацию⁴⁹, продиктованной стремлением заручиться лояльностью Рановича как достаточно

⁴³ Данная заметка, в которой ставилась под сомнение предложенная в начале 1930-х годов С.А. Жебелевым известная интерпретация сообщения декрета о Савмаке как свидетельства о рабском восстании, прозвучала как научный доклад на сессии по истории Крыма в Симферополе осенью 1948 г. (Altman 1948, 183; тезисы доклада: СПФ АРАН. Ф. 976. Оп. 1. Д. 73), но опубликовать ее в ВДИ Лурье не смог даже после смерти Сталина (она вышла в 1958 г. в польском научном журнале: Lurie 1958). См. Formozov 2006, 170–171.

⁴⁴ Luria 1947.

⁴⁵ См. в целом о травле Лурье в конце 1940-х годов: Koprzhiva-Lurie 1987, 188–208; Frolov 1999, 457–458; Mirovshchikova 2015.

⁴⁶ Ranovich 1947, 146–147. Кроме того, положительные суждения о работах Виппера, включая эту книгу (и одновременно о работах самого Рановича по истории религии), присутствуют в передовой статье этого же номера ВДИ, посвященной деятельности советских историков древности за 30 лет с Октябрьской революции (Editorial 1947, 10).

⁴⁷ Metel' 2012, 77. Ср. с претензиями по этому поводу к Рановичу Никольского в его письме от 3 января 1948 г. (№ 31, с. 139–140).

⁴⁸ Tikhonov 2016, 172.

⁴⁹ По воспоминаниям Маяк (см. наше прим. 1), Машкин обратил участие кафедры древней истории в кампании «борьбы против космополитизма» против Виппера, поскольку, во-первых, его высокий статус исключал репрессии против него, а во-вторых, «Роберт Юрьевич не читает, как настоящий профессор, советских газет, — он даже не узнает, что против него было что-то

влиятельной в науке фигуры (показательны слова этого письма: «Как хотелось бы опять плотную побеседовать с Вами по вопросам, в которых Вы являетесь одинаково опасным противником и мощным союзником»). Кстати, такое предположение сняло бы и недоумение относительно того, о какой именно «новой книге», содержащей «некоторые догадки о судьбах раннего христианства», Виппер, согласно его письму, рассчитывал узнать мнение Рановича: составители сборника допускают, что речь идет о черновых вариантах монографии, увидевшей свет лишь в 1954 г.⁵⁰ (с. 38, прим. 2), однако в письме, призванном упрочить отношения с его адресатом, подобный «запрос» о его мнении мог быть вообще чисто символическим, не предполагающим даже черновой готовности пресловутой будущей книги.

Мы постарались обозначить основные проблемы истории отечественной науки о древности, которые, на наш взгляд, отражают опубликованные архивные материалы А.Б. Рановича; однако, безусловно, этим потенциал данных источников не исчерпывается. Остается отметить отдельные моменты, в которых мы не согласны с интерпретациями составителей сборника либо видим недостатки этого издания. Говоря в предисловии о повороте интересов Рановича в начале 1940-х годов от проблем истории религии к истории эллинизма, А.И. Ключев и О.В. Метель допускают, что, как и считалось раньше, он «диктовался потребностью в глубоком изучении той обстановки, в которой возникло христианство», и, кроме того, полагают, что его также могло стимулировать желание «подготовить монографию, не связанную с “политически актуальной”, но академически периферийной проблемой, какой была в советской историографии история раннего христианства» (с. 16). Думается, что последнее допущение расставляет акценты не совсем верно (или, может быть, не вполне удачна формулировка, в которую оно облечено). Ранович на эллинистическом материале обратился к социально-экономической истории, которая, при неизбежной в советских условиях апелляции к тематике классовой борьбы, была в известном смысле более политически актуальной, нежели история религии. При этом в период «сталинского ампира» снижается злободневность тематики раннего христианства, поскольку ее антирелигиозный «запах» воспринимается уже как нечто несколько антикварное. Напротив, на повестку дня выходит реинтерпретация в специфически марксистском ключе классических для антиковедения проблем (кстати, в связи с этим уместно привести слова Колобовой из ее уже цитировавшегося письма Рановичу: «Этот вопрос (об античном полисе. — *И.Л.*) ставился лишь буржуазными историками; у нас он никогда не служил темой специального исследования» — с. 51). Социально-экономическая история эллинизма уже с первых десятилетий XX в. была в числе таких проблем благодаря трудам ряда крупнейших ученых, включая М.И. Ростовцева⁵¹; и, берясь за целостную разработку этой проблемы, Ранович закреплял свое ведущее положение в советском антиковедении в точном соответствии с его тенденциями 1940-х годов.

Думается, что рецензируемое издание было бы удобнее в цитировании, если бы включенные в него материалы получили сквозную нумерацию; кроме того, в ряде случаев в нем нет библиографических сведений о публикациях, упоминаемых в переписке (например, указанных в наших прим. 42–43). Строго говоря, не представляло сложностей помещение письма № 10 Н.А. Шолпо (как мы сказали выше, скорее всего от января 1941 г.; см. наше прим. 28) на правильное по хронологии место в блоке его писем. Несколько странно выглядит указание места работы В.И. Авдиева — «директор Института востоковедения АН СССР» (с. 122, прим. 3): как известно, его директорство там было весьма кратковременно (1953–1955 гг.) и оставило по себе

такое затаенно». Если высказанное нами сейчас предположение верно, то по крайней мере во второй части этого объяснения можно усомниться: быстрота реакции Виппера показывает, что к возможности его идеологической критики он вовсе не был индифферентен. Думается, что позиция Машкина определялась тем, что к 1949 г. кампания против Виппера и так уже началась без какой-либо инициативы кафедры (см. выше наши ссылки на монографию В.В. Тихонова) и при этом действительно не влекла для него никаких потерь; соответственно, присоединиться к ней было моральнее и безболезненнее, чем выбирать новую невинную жертву в угоду «борьбы с космополитизмом» (ср. с явно схожими мотивами, руководствуясь которыми Машкин присоединился к критике Лурье: Nekrich 1979, 54; Bugaeva, Ladynin 2016, 269–270).

⁵⁰ Vipper 1954.

⁵¹ Взаимосвязь работ Рановича по эллинизму и «Социально-экономической истории эллинистического мира» Ростовцева была подробно показана С.Б. Крихом (Krikh 2013, 141–177).

меньшую и, по сути дела, худшую память, чем преподавание на кафедре истории древнего мира в МГУ с 1942 г. и заведование ею в 1951–1972 гг.⁵²

Понятно, однако, что эти замечания мы делаем не для того, чтобы поставить под сомнение уже высказанную высокую оценку публикации, подготовленной омскими коллегами. Их можно искренне поздравить с успешным введением в научный оборот чрезвычайно информативного комплекса источников по истории советской науки о древности 1930–1940-х годов.

Литература / References

- Altman, V. 1948: [A session on the history of Crimea]. *Voprosy istorii [Problems of History]* 12, 179–184.
Альтман, В. Сессия по истории Крыма. *ВИ* 12, 179–184.
- Bolshakov, A.O. 2015: [The liveliness of the heritage of Yuri Yakovlevich Perepelkin]. In: A.O. Bolshakov (ed.), *Peterburgskie egiptologicheskie chteniya 2013–2014. Pamyati Yuriya Yakovlevicha Perepelkina. K 110-letiyu so dnya rozhdeniya. Doklady [St. Petersburg Egyptological Readings 2013–2014. In Commemoration of Yuri Yakovlevich Perepelkin. On the Occasion of His 110th Birthday. Papers of the Conference]*. Saint Petersburg, 7–17.
Большаков, А.О. Живость наследия Юрия Яковлевича Перепелкина. В сб.: А.О. Большаков (ред.), *Петербургские египтологические чтения 2013–2014. Памяти Ю.Я. Перепелкина. К 110-летию со дня рождения. Доклады*. (Труды Государственного Эрмитажа, 76). СПб., 7–17.
- Bugaeva, N.V., Ladynin, I.A. 2016: [“Our manual will pass the exam...” A session of the Department of Ancient History, Faculty of History, Moscow State University, and of the Section for Ancient History, Institute of History, Academy of Sciences of the USSR, on 22 March 1949]. *Vestnik Universiteta Dmitriya Pozharskogo [Journal of Dmitriy Pozharskiy University]* 2 (4), 187–282.
Бугаева, Н.В., Ладынин, И.А. «Наш учебник по древней истории выдержит экзамен...». Заседание кафедры древней истории исторического факультета МГУ и сектора древней истории Института истории АН СССР 22 марта 1949 г. *Вестник Университета Дмитрия Пожарского* 2 (4), 187–282.
- Diakonoff, I.M. 1995: *Kniga vospominaniy [A Book of Memoirs]*. Moscow.
Дьяконов, И.М. *Книга воспоминаний*. М.
- Editorial 1946: [The tasks of the Soviet historical research in the years of the new five-year plan]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 2, 3–9.
Задачи советской исторической науки в новой пятилетке. *ВДИ* 2, 3–9.
- Editorial 1947: [Developing the problems of ancient history in the Soviet research (1917–1947)]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 3, 3–16.
Разработка древней истории в советской науке (1917–1947). *ВДИ* 3, 3–16.
- Formozov, A.A. 2006: *Russkie arkheologi v period totalitarizma. Istoriograficheskie ocherki [Russian Archaeologists of Totalitarian Period. Historiographical Studies]*. 2nd ed. Moscow.
Формозов, А.А. *Русские археологи в период тоталитаризма. Историографические очерки*. 2-е изд. М.
- Frolov, E.D. 1999: *Russkaya nauka ob antichnosti. Istoriograficheskie ocherki [Russian Research of Classical Antiquity. Historiographical Essays]*. Saint Petersburg.
Фролов, Э.Д. *Русская наука об античности. Историографические очерки*. СПб.
- Glushenkova, T.V. (ed.) 1995: *Kniga Pamyati Leningradskogo – Sankt-Peterburgskogo universiteta 1941–1945. Vyp. 1 [Memory Book of the Leningrad – St. Petersburg University 1941–1945. Issue 1]*. Saint Petersburg.
Глушенкова, Т.В. (ред.). *Книга Памяти Ленинградского – Санкт-Петербургского университета 1941–1945. Вып. 1*. СПб.
- Khlevnyuk, O.V. 2015: *Stalin: zhizn' odnogo vozhdy [Stalin: Life of a Leader]*. Moscow.
Хлевнюк, О.В. *Сталин: жизнь одного вождя*. М.
- Karpyuk, S.G., Krikh, S.B. 2018: [Work on “The World History” before World War II: searching for a management model]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 78/4, 1013–1033.

⁵² Miliband 2008, I, 9.

- Карпюк, С.Г., Крих, С.Б. Работа над «Всемирной историей» в довоенный период: поиски управленческой модели. *ВДИ* 78/4, 1013–1033.
- Koprzhiva-Lurie, V. Ya. 1987: *Istoriya odnoy zhizni* [A History of a Life]. Paris.
- Копржива-Лурье, Б.Я. *История одной жизни*. Париж.
- Krikh, S.B. 2013: *Obraz drevnosti v sovetskoj istoriografii* [The Image of Antiquity in Soviet Historiography]. Moscow.
- Крих, С.Б. *Образ древности в советской историографии*. М.
- Krikh, S.B. 2018: [Academician Nikolai M. Nikolskii and the struggle for understanding of the social system of the ancient Near Eastern societies]. *Vostok [Oriens]* 1, 13–22.
- Крих, С.Б. История поражения: Н.М. Никольский в борьбе за понимание общественного строя древневосточных обществ. *Восток (Oriens)* 1, 13–22.
- Ladynin, I.A. 2016: [Peculiarities of the landscape (How marxist was the “Soviet antiquity”?)]. *Vestnik Universiteta Dmitriya Pozharskogo* [Journal of Dmitriy Pozharskiy University] 2 (4), 9–32.
- Ладынин, И.А. Особенности ландшафта (Насколько марксистской была «советская древность»?). *Вестник Университета Дмитрия Пожарского* 2 (4), 9–32.
- Ladynin, I.A., Timofeeva, N.S. 2014: [Egyptologist M.A. Korostovtsev and his initiative to establish the USSR Scientific Representative Office in Egypt (1943–1947)]. *Istoricheskie zapiski* [Historical Notes] 15 (133), 358–382.
- Ладынин, И.А., Тимофеева, Н.С. Египтолог М.А. Коростовцев и его инициатива по созданию научного представительства СССР в Египте (1943–1947). *Исторические записки* 15 (133), 358–382.
- Luria, S. Ya. 1948: [The cult of Mother and Virgin in the Bosporan Kingdom (about three Bosporan inscriptions)]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 3, 204–211.
- Лурье, С.Я. Культ Матери и Девы в Боспорском царстве (по поводу трех надписей из Боспора). *ВДИ* 3, 204–211.
- Luria, S. Ya. 1947: *Ocherki po istorii antichnoy nauki* [Essays on the History of Classical Science]. Moscow–Leningrad.
- Лурье, С.Я. *Очерки по истории античной науки*. М. – Л.
- Lurie, S.J. 1958: Jeszcze o dekrete ku czci Diofantosa. *Meander* 14, 67–78.
- Metel', O.V. 2012: *Sovetskaya model' izucheniya pervonachal'nogo khristianstva (1920–1990-e gg.)* [Soviet Model for the Research of the Original Christianity (1920–1990s)]. Omsk.
- Метель, О.В. *Советская модель изучения первоначального христианства (1920–1990-е гг.)*. Омск.
- Miliband, S.D. 2008: *Vostokovedy Rossii. Biobibliograficheskiy slovar'* [The Orientalists of Russia: Biobibliographical Dictionary]. Vol. 1–2. Moscow.
- Милибанд, С.Д. *Востоковеды России. Биобиблиографический словарь*. Т. I–II. М.
- Mirovshchikova, A.A. 2015: [Fight against cosmopolitanism in Soviet Classical research: the case of S. Ya. Luria]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University] 24 (379). *Istoriya* [History] 66, 202–209.
- Мировщикова, А.А. Борьба с космополитизмом в советском антиковедении: дело С.Я. Лурье. *Вестник Челябинского государственного университета* 24 (379). *История* 66, 202–209.
- Nekrich, A. 1979: *Otreshis' ot strakha. Vospominaniya istorika* [Renounce Fear: Memoirs of a Historian]. London.
- Некрич, А. *Отрешишься от страха. Воспоминания историка*. London.
- Nemtchenko, F. 1940: [Second volume of the “World History”: a discussion at the session of the Bureau of the Department of History and Philosophy, Academy of Sciences of the USSR]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 3–4, 371–376.
- Немченко, Ф. Второй том «Всемирной истории» (обсуждение на заседании Бюро Отделения истории и философии АН СССР). *ВДИ* 3–4, 371–376.
- Perepyelkin, Yu. Ya. 1967: *Perevorot Amen-khotpa IV*. Ch. 1 [The Revolution of Amen-hotp IV. Pt. 1]. Moscow.
- Перепелкин, Ю.Я. *Переворот Амен-хотпа IV*. Ч. 1. М.
- Perepyelkin, Yu. Ya. 2000: *Istoriya Drevnego Egipta* [The History of Ancient Egypt]. Saint Petersburg.
- Перепелкин, Ю.Я. *История Древнего Египта*. СПб.
- Piotrovsky, B.B. 1995: *Stranitsy moyey zhizni* [Pages of My Life]. Saint Petersburg.
- Пиотровский, Б.Б. *Страницы моей жизни*. СПб.

- Piotrovsky, Yu. Yu., Solomakha, E. Yu., Yakovleva, E.M. (eds.) 2008. *Boris Borisovich Piotrovskiy: materialy k biografii* [Boris Borisovich Piotrovsky: Sources for the Biography]. Saint Petersburg. Пиотровский, Ю.Ю., Соломаха, Е.Ю., Яковлева, Е.М. (авт.-сост.). *Борис Борисович Пиотровский: материалы к биографии*. СПб.
- Ranovich, A.B. 1933: *Pervoistochniki po istorii rannego khristianstva. Materialy i dokumenty* [Sources for the History of the Early Christianity. Materials and Documents]. Moscow. Ранович, А.Б. *Первоисточники по истории раннего христианства. Материалы и документы*. М.
- Ranovich, A.B. 1937a: [On the distortions of the ancient history of the Hebrew people. Rev.: History of the Ancient World, vol. 1 — Ancient Orient. Moscow, 1936. Chapter XVI]. *Antireligioznik* [Anti-Religious Propagandist] 2, 53–54. Ранович, А.Б. Об искажении древней истории еврейского народа (Рец. на кн.: «История древнего мира», т. I — Древний Восток, М., 1936, гл. XVI). *Антирелигиозник* 2, 53–54.
- Ranovich, A.B. 1937b: *Ocherk istorii drevneevreyskoy religii* [Outline of the History of Ancient Hebrew Religion]. Moscow. Ранович, А.Б. *Очерк истории древнееврейской религии*. М.
- Ranovich, A.B. 1946: [Rev.: V.V. Struve. History of the Ancient Orient. Moscow, 1941]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1, 178–182. Ранович, А.Б. Рец. на: В.В. Струве. История древнего Востока, М., 1941. *ВДИ* 1, 178–182.
- Ranovich, A.B. 1947: [Rev.: R. Yu. Vipper. The Origins of the Christian Literature]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 3, 140–150. Ранович, А.Б. Рец. на: Р.Ю. Виппер. Возникновение христианской литературы. *ВДИ* 3, 140–150.
- Ranovich 1948: [Abram Borisovich Ranovich (1885–1948)]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 3, 136–144. Абрам Борисович Ранович (1885–1948). *ВДИ* 3, 136–144.
- Razumovskiy, I. 1936: [Formation socio-economic]. In: *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya* [Great Soviet Encyclopedia]. Vol. 58. Moscow, 193–226. Разумовский, И. *Формация общественно-экономическая*. В кн.: Большая советская энциклопедия. Т. 58. М., 193–226.
- Sholpo, N.A. 1940: [The transcription of the ancient Oriental proper names]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1, 113–122. Шолпо, Н.А. Транскрипция древневосточных собственных имен. *ВДИ* 1, 113–122.
- Snegiryev 2004: [Snegiryev Igor Leontyevich]. In: Ya.V. Vasilkov, M. Yu. Sorokina (eds.), *Lyudi i sud'by: Biobibliograficheskiy slovar' vostokovedov — zherty politicheskogo terrora v sovetskiy period* [Humans and Their Destinies: Biobibliographical Dictionary of the Orientalists — Victims of the Political Terror in the Soviet Period]. Saint Petersburg. (URL: <http://memory.pvost.org/pages/snegirev.html>; дата обращения: 07.03.2019). Снегирев Игорь Леонтьевич. В кн.: Я.В. Васильков, М.Ю. Сорокина (сост.), *Люди и судьбы: Биобиблиграфический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период (1917–1991)*. СПб.
- Struve, V.V. 1940: [On the history of Israel's stay at Egypt]. *Evreyskaya starina* [Hebrew Antiquities] 11, 45–64. Струве, В.В. К истории пребывания Израиля в Египте. *Еврейская старина* 11, 45–64.
- Struve, V.V. 1936: *Istoriya drevnego mira*. T.I. *Drevniy Vostok* [A History of the Ancient World. Vol. I. Ancient Orient]. Moscow. Струве, В.В. *История древнего мира*. Т. I. *Древний Восток*. М.
- Tikhonov, V.V. 2016: *Ideologicheskie kampanii «pozdnego stalinizma» i sovetskaya istoricheskaya nauka (seredina 1940-kh — 1953 g.)* [Ideological Campaigns of the “Late Stalinism” and the Soviet Historical Science (Middle 1940s — 1953)]. Moscow–Saint Petersburg. Тихонов, В.В. *Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука (середина 1940-х — 1953 г.)*. М. — СПб.
- Turaev, B.A. 1935: *Istoriya drevnego Vostoka* [A History of the Ancient Orient]. Vol. I–II. Leningrad. Тураев, Б.А. *История древнего Востока*. Т. I–II. Л.

- Vassoevich, A.L. 2000: [About Yuri Yakovlevich Perepyelkin and his scholarly discoveries]. In: Yu. Ya. Perepyelkin, *Istoriya Drevnego Egipta* [*The History of Ancient Egypt*]. Saint Petersburg, 5–54.
- Вассоевич, А.Л. О Юрии Яковлевиче Перепелкине и его научных открытиях. В кн.: Ю.Я. Перепелкин, *История Древнего Египта*. СПб., 5–54.
- Vsemirnaya istoriya 1955: *Vsemirnaya istoriya* [*A World History*]. Vol. I. Moscow.
- Всемирная история. Т.1. Москва.
- Vipper, R. Yu. 1946: *Vozniknovenie khristianskoy literatury* [*The Origins of the Christian Literature*]. Moscow.
- Виппер, Р.Ю. *Возникновение христианской литературы*. М.
- Vipper, R. Yu. 1954: *Rim i rannee khristianstvo* [*Rome and the Early Christianity*]. Moscow.
- Виппер, Р.Ю. *Рим и раннее христианство*. М.
- Vul'son, G.N. 2001: [Methods of work with texts of personal origin]. In: L.P. Repina, E.A. Vishlenkova (eds.), *Sotvorenie istorii. Chelovek. Pamyat'. Tekst* [*The Making of History. Man. Memory. Text*]. Kazan, 104–117.
- Вульфсон, Г.Н. Методика работы с текстами личного происхождения. В кн.: Л.П. Репина (науч. ред.), Е.А. Вишленкова (отв. ред.), *Сотворение истории. Человек. Память. Текст*. Казань, 104–117.

Ivan A. Ladynin,

Institute of World History, Russian Academy of Sciences;
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia

E-mail: ladynin@mail.ru

Acknowledgements: Russian Science Foundation,
project no. 18-18-00367

И.А. Ладынин,

д.и.н., доцент,
научный коллектив по гранту
РНФ 18-18-00367,

Институт всеобщей истории РАН;
кафедра истории древнего мира исторического
факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.